

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются наиболее концептуальные проблемы, возникающие в настоящее время в методологии познания и доказывания в уголовном судопроизводстве. Исследуя вопросы познания и доказывания в контексте современных демократических принципов судопроизводства, в первую очередь состязательности, автор приходит к выводу о невозможности как отождествления, так и полного, гетерогенного разграничения этих философско-правовых категорий. В свете современных достижений гносеологии, психологии и психофизиологии в статье обосновывается вывод об отражении фрагментов объективной реальности не как о пассивном впечатке, копии, снимке, а как об активном процессе, который, по мнению автора, может быть реализован лишь посредством состязательных механизмов уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: доказывание; методология уголовно-процессуального доказывания; состязательность; собирание доказательств; уголовно-процессуальное познание.

Ни одна проблема уголовно-процессуальной науки и практики, ни один институт уголовно-процессуального права не вызывали такого количества бурных дискуссий, какие традиционно были и остаются присущи вопросам доказывания по уголовному делу. И в этом нет ничего удивительного. Ведь процессуальное доказывание неразрывно связано с познавательной деятельностью суда и органов предварительного расследования. Ведущие отечественные ученые-процессуалисты неоднократно отмечали, что доказывание составляет сердцевину, «душу» уголовного судопроизводства, пронизывает деятельность всех его участников и осуществляется на всем его протяжении [43, с. 4 ; 44, с. 122 ; 57, с. 41 ; 73, с. 12]. Поэтому наряду с правовой сущностью оно имеет весьма глубокие философские (гносеологические) корни, которые подчас достаточно сложно облечь в созданную человеческим разумом и, кстати, далеко не всегда безгрешную

процессуальную форму. Как справедливо писал С.В. Бородин, природа и сущность доказательственного права обусловлены формой уголовного процесса, характерной для той или иной исторической эпохи [36, с. 521]. Тогда как законы гносеологии существуют сами по себе и не связаны с установленными правилами человеческого общежития. Следовательно, теория уголовно-процессуального доказывания представляет собой совокупность научных положений, уже изначально наполненных целым спектром внутренних противоречий. Причем в условиях нестабильности существующей в нашем государстве процессуальной формы, достаточно частых, в том числе и кардинальных, реформ уголовно-процессуального закона обозначенные противоречия приобретают еще более острый характер. Существующие здесь проблемы – считает А.А. Давлетов – исчисляются несколькими десятками. И их количество постоянно возрастает, так как

научное исследование различных аспектов уголовно-процессуального познания продолжает расширяться и углубляться [18, с. 13–14]. На сегодняшний день практически ни один вопрос, относящийся к данной проблематике, не получил своего окончательного разрешения.

В частности, вплоть до настоящего времени ученые не пришли к единому пониманию самой сущности доказывания в уголовном процессе; дискуссии по этому поводу ведутся уже много лет. Так, некоторые советские правоведы отождествляли доказывание исключительно с познавательной деятельностью [1, с. 10 ; 67, с. 16]. Другие специалисты понимали и продолжают понимать под доказыванием более узкий правовой инструмент (разновидность познания), характеризующийся, например, наличием строгой процессуальной формы [6, с. 81 ; 25, с. 19–20 ; 53, с. 113 ; 32, с. 8 ; 51, с. 5 ; 69, с. 6 ; 75, с. 3], возможностью опосредованного восприятия обстоятельств уголовного дела [43, с. 21–22 ; 75, с. 3] или направленностью на строго определенный круг обстоятельств [3, с. 86 ; 20, с. 122–123 ; 75, с. 3]. Кстати, примерно такие же подходы к соотношению познания и доказывания присутствуют и другим отраслям юридической науки, в частности гражданскому процессу и административному праву [10, с. 26 ; 17, с. 167 ; 64, с. 33].

Существует и еще одна достаточно интересная научная позиция, в определенной степени разводящая познание с доказыванием. Ее представители указывают, что доказыванием следует считать процесс формирования и изложения различных доводов и аргументов, позволяющих обосновать правильность своей позиции перед субъектом правоприменения. Так, еще М.С. Строгович толковал понятие доказывания в двух различных смыслах: а) как исследование, познание истины органами дознания, следователем, прокурором, судом с участием потерпевшего, подозреваемого,

обвиняемого, защитника и других лиц; б) как обоснование определенного тезиса участником, выдвинувшим этот тезис [60, с. 299]. Позднее С.А. Шейфер писал об этом как о доказывании в широком и узком смыслах [72, с. 17]. А.Р. Ратинов говорил о доказывании как об удостоверении, о подтверждении, об обосновании правильности каких-либо мыслей или решений при помощи доводов, аргументов и фактов перед определенным адресатом. Он утверждал, что доказывание имеет как познавательную, так и удостоверительную стороны [62, с. 288–289]. Аналогичные взгляды высказывались Э.С. Зеликсоном [26, с. 12], В.Д. Арсеньевым [2, с. 38–39], Р.Г. Домбровским [24, с. 21], А.А. Леви [40, с. 259–260] и некоторыми другими специалистами.

Вместе с тем наибольшее развитие данная концепция приобрела в связи с переходом отечественного уголовного судопроизводства к состязательным механизмам, сопровождающимся отказом от целого ряда постулатов советской процессуальной науки. Как отмечает Л.А. Воскобитова, сама Конституция РФ определила правовые параметры реформы судебной власти и заложила основы для пересмотра сложившихся методологических представлений о судебном познании [13, с. 279]. В свою очередь, В.А. Лазарева пишет, что сложившиеся в советский период представления о доказывании как о процессе, тождественном познанию, мешают развитию состязательной формы уголовного судопроизводства [39, с. 98]. Придерживаясь данной точки зрения, Л.М. Володина считает, что доказать что-либо означает не только познать, но и убедиться в достоверности полученного результата, убедиться в правильности своих выводов и иных лиц [12, с. 279]. Несколько противоречивой позиции по данному вопросу придерживается Е.А. Карякин. Автор, с одной стороны, указывает, что процессуальное познание и доказывание являются самостоятельными струк-

турными элементами. Однако при этом процессуальное познание он считает более широкой категорией, включающей в свой состав в том числе и доказывание [28, с. 62, 104].

Развивая идею о разграничении юридического познания и доказывания в контексте принципа состязательности, Ю.П. Боруленков полагает, что при определении сущности этих категорий следует исходить прежде всего из функций субъектов и наличия их специфического интереса. Он говорит о доказывании как о деятельности, обуславливающей функции сторон, в противовес функции суда, выраженной в познании. Таким образом, под доказыванием ученый понимает деятельность по обоснованию сторонами утверждений, которая, по его мнению, должна быть разграничена с процессуальным познанием [8, с. 220–221]. Иными словами, фактически под процессуальным доказыванием он подразумевает сугубо логические операции, в ходе которых обосновывается истинность определенных суждений¹. Несколько ранее данная точка зрения выдвигалась Л.А. Татаровым [61, с. 14–15].

Кстати, в этой связи весьма примечательно, что в науке гражданского процесса позиции, связанные с полным разграничением познания и доказывания, появились значительно раньше и укоренились значительно глубже. В частности, Л.А. Ванеева еще в 1972 г. писала, что доказывание в гражданском процессе – это деятельность сторон и иных участников процесса по обоснованию истинности предъявленных требований или возражений. А познание – всего лишь форма восприятия обстоятельств, имеющих значение для дела [9, с. 43]. Аналогичные взгляды также высказывались О.П. Чистяковой [70, с. 22] и некоторыми другими учеными. Авторы современного «Курса доказательствен-

ного права в гражданском и арбитражном процессе» вообще считают познание и доказывание исконно гетерогенными категориями [34, с. 107].

Следует также обратить внимание на противоречивость самих норм уголовно-процессуального права, регламентирующих доказывание. Так, с одной стороны, ст.ст. 85, 86, 87 УПК РФ, говоря об собирании и проверке доказательств как элементах доказывания, явно вкладывают в это понятие познавательный смысл. Однако, с другой стороны, ч. 2 ст. 14 УПК РФ, возлагая бремя доказывания на сторону обвинения, имеет в виду именно логический, аргументационный аспект.

В целом разделяя научные взгляды, предполагающие рассмотрение процессуального познания и доказывания в контексте принципа состязательности, позволим себе не согласиться с доводами Ю.П. Боруленкова, Л.А. Татарова и наших коллег – специалистов в области гражданского судопроизводства о жестком разграничении этих двух категорий. Безусловно, что данные категории не тождественны, как об этом писали многие советские ученые, полностью обесценивая аргументационную составляющую сторон в доказывании, и, таким образом, придавая уголовному процессу явно инквизиционный характер. Однако не следует впадать в противоположную крайность, как бы лишая суд публичной активности и фактически превращая его в пассивного познавательного субъекта с «завязанными глазами»². Тезис о том,

² В этой связи следует обратить внимание, что символ правосудия – богиня Фемиды (Юстиция) наиболее часто изображается именно с завязанными глазами, чем подчеркивается ее беспристрастность в рассмотрении дел. Однако подобное изображение является не более чем символическим, характерным для древних форм судопроизводства, сводившихся к частноискowym юрисдикционным процедурам. Данное изображение вовсе не нужно расценивать как основополагающий принцип для современного типа уголовного процесса, характеризующегося достаточно высокой степенью публичности и активности суда. Кстати, весьма примечательно, что некоторые изваяния Фемиды времен публичного уголовного судопроизводства изображают

¹ В формальной логике такой процесс принято называть не доказыванием, а доказательством чего-либо [4, с. 161].

что суд не должен становиться на позиции обвинения, подменять обвинителя, вовсе не означает, что он не может активно участвовать в исследовании доказательств [23, с. 163]. Подобные механизмы характерны скорее для частного типа уголовного судопроизводства, свойственного для древних форм развития общества и государства. Современный уголовный процесс, характеризующийся разумным сочетанием публичности и диспозитивности, предполагает наделение суда и других субъектов, уполномоченных на принятие юрисдикционных решений (дознателя, следователя и т.д.), целым спектром полномочий как познавательно-удостоверительного, так и формально-логического, аргументационного характера. Особо наглядно это прослеживается в досудебном производстве, где органы дознания или предварительного следствия для обоснования своей позиции осуществляют полноценное познание всех обстоятельств уголовного дела посредством производства следственных и иных процессуальных действий. Но свои выводы относительно обвинения они должны основывать достаточной совокупностью доказательств. В свою очередь, суд помимо осуществления познавательной деятельности обязан дать надлежащую оценку всем имеющимся доказательствам, на основании чего логически обосновывать и мотивировать любой приговор или иное решение (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 88 УПК РФ). Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, при постановлении приговора должны получить оценку все рассмотренные в судебном заседании доказательства, как подтверждающие выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащие этим выводам. Суд в соответствии с требова-

ниями закона должен указать в приговоре, почему одни доказательства признаны им достоверными, а другие отвергнуты³.

Таким образом, доказывание в современном состязательном уголовном судопроизводстве нельзя рассматривать исключительно как некий логический процесс, направленный на убеждение сторонами суда в правильности своих позиций. Безусловно, он имеет и познавательную составляющую. Для определения его сущности необходимы более компромиссные подходы, предполагающие сочетание познавательных и аргументационных приемов в деятельности как суда, так и сторон. Уголовно-процессуальное доказывание полностью не вписывается в более широкую категорию «познание», и, конечно, эти категории не тождественны. Вместе с тем доказывание нельзя гетерогенно развести с познавательной деятельностью, то есть лишить его гносеологического фундамента, на котором и строятся все доводы и аргументы как суда, так и сторон. Следует согласиться с учеными, говорящими о совпадении уголовно-процессуального познания и доказывания лишь в определенной части – когда речь идет о способах собирания доказательственной информации [12, с. 219]. Доказывание в уголовном судопроизводстве целесообразно рассматривать как сложный, многоэтапный процесс, состоящий в познании обстоятельств уголовного дела, в их удостоверении и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений [49, с. 32–33]⁴.

В контексте осуществления своего первого этапа доказывание является разновидностью процессуального познания и имеет с ним общую внутреннюю гносе-

ее не с закрытыми, а с открытыми глазами. Таковой, например, является средневековая скульптура Фемиды, установленная на одной из центральных площадей Франкфурта-на-Майне – неофициальной столицы Священной Римской Империи Германской Нации.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» с последующими изменениями и дополнениями.

⁴ Близкая по смыслу позиция о многоэтапном характере доказывания ранее высказывается и А. А. Давлетовым. Вместе с тем автор считает доказывание лишь вторым этапом познавательной детальности [18, с. 178].

ологическую сущность, общие механизмы постижения человеком обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно особенности уголовно-процессуального познания – совершенно справедливо отмечает Л.А. Воскобитова – и порождают учение о доказательствах как средствах познания, а также гарантиях правильности познания [15, с. 27]. С этих позиций и уголовно-процессуальное познание, и доказывание являются всего лишь частными случаями познания в целом⁵; им присущи все основные законы и закономерности познавательной деятельности. Законы эти – писал А.И. Трусов – едины для всякого познания. Они действуют как при познании больших процессов и явлений (например, при установлении закономерностей природы, общества, человеческого мышления), так и при восстановлении картины единичных фактов, явлений, событий (например, факта преступления и виновности определенного лица). Без использования этих закономерностей не может протекать никакой процесс познания, не может быть установлена истина [65, с. 10]. Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов, рассматривая уголовно-процессуальное доказывание в контексте его гносеологической сущности, отмечали, что оно представляет собой разновидность познания человеком реальной действительности. Оно осуществляется в соответствии с общими закономерностями, присущими познавательной деятельности во всех областях теории и практики [30, с. 5].

Причем во многом они обусловлены концептуальным философско-методологическим подходом к сущности познания. В отечественной науке таковым традиционно являлся диалектический материализм (в советский период – марксистско-ленинская диалектика); на нем вплоть

до настоящего времени зиждется вся национальная теория доказательств; на него опирались и продолжают опираться фундаментальные процессуальные и криминалистические исследования⁶. Более того, диалектический материализм расценивался не просто как основной методологический подход к сущности доказывания. В контексте проводимой советским государством радикальной политики воззрения и идеи этой философской школы приобрели официальный государственный статус и фактически превратились в неоспоримую научную догму. Иные мировоззренческие позиции гносеологического характера, пусть даже выдвинутые в духе диалектического материализма, но тем не менее не соответствующие господствующей марксистско-ленинской идеологии, изначально были обречены на провал.

В последнее время отечественные философы, пытаясь наверстать упущенное, прикладывают немало усилий для изучения ведущих философских концепций XX в.; основываясь на положениях критического рационализма, неореализма, неопозитивизма, прагматизма, феноменологии, герменевтики и других школ, ученые ищут новые концептуальные подходы к наиболее базовым категориям гносеологии. Очевидно, что такое стремительное развитие философской мысли рано или поздно приведет к переориентированию методологии юридического познания, в частности уголовно-процессуального доказывания, объективно потребует пересмотра большинства существующих научных положений и создания новых, альтернативных теорий. Готова ли сегодняшняя юридическая наука к такому переосмыслению своих методологических основ? Данный вопрос представляется крайне сложным и неоднозначным, поскольку связь уголовно-процессуального,

⁵ Вообще, познание представляет собой деятельность человека (человечества), целью которой является получение нового истинного знания о каких-либо объектах: событиях, явлениях, элементах вещной обстановки и т.д. [18, с. 20 ; 42, с. 18].

⁶ В учебной литературе по уголовному процессу советского периода прямо рекомендовалось при изучении теории судебных доказательств использовать свои знания из курса марксистско-ленинской философии [7, с. 57].

гражданского процессуального и других областей правовых знаний с философией существенно ослаблена. Как справедливо полагает В.И. Пржиленский, расхождение между современным уровнем развития философского знания и теми философскими положениями, которые применяются при правовых теориях, становится все более вопиющим [56, с. 353–354]. Многие разработки философской науки XX в. по вопросам познания просто неизвестны или мало известны современным правоведом; их еще предстоит освоить, осмыслить и соотнести с имеющимися процессуальными представлениями.

В настоящее время резкий отход теории уголовно-процессуального познания и доказывания от постулатов диалектического материализма пока реально невозможен; он, несомненно, повлечет за собой достаточно серьезные негативные последствия как в науке уголовного процесса, так и в правоприменительной практике. Тем более что в работах советских ученых унаследованы многие мировоззренческие идеи других философских школ и направлений, история которых насчитывает не одну сотню лет. Диалектико-материалистическое учение об истине является преемником классической концепции истины и вместе с тем представляет собой качественно новый этап в ее развитии. А истоки самой классической концепции восходят к античной философии; первые попытки ее теоретического осмысления были предприняты еще Платоном и Аристотелем [71, с. 13, 35].

Для юриспруденции в целом и для уголовно-процессуального права в частности наиболее разумным является умеренный консерватизм, не революционный, а именно эволюционный путь развития. Поэтому современные подходы к сущности доказывания в уголовном судопроизводстве должны носить в некотором роде компромиссный характер. Так, с одной стороны, методология процессуального доказывания не может быть полностью оторвана от диалектической теории [18, с. 20]. Вме-

сте с тем, с другой стороны, диалектико-материалистический подход не должен расцениваться как неоспоримая научная догма. Существующие в теории доказывания постулаты вполне могут получить новый виток своего развития в контексте заимствования ряда положений и взглядов из области других, в том числе современных, философских школ и течений. Именно в таком направлении нам видятся дальнейшие шаги в этом сегменте процессуальной науки.

Одним из наименее исследованных вопросов сущности уголовного доказывания является вопрос, связанный с закономерностями восприятия дознавателем, следователем, судом сведений, имеющих значение для уголовного дела. Большинство отечественных процессуалистов и криминалистов традиционно оставляли эти проблемы за рамками своих работ, видимо, считая такие закономерности само собой разумеющимися и основанными на неоспоримом постулате марксизма-ленинизма о возможности отражения объективной реальности в сознании субъекта. Авторы некоторых фундаментальных исследований позиционировали уголовно-процессуальное познание (доказывание) как разновидность высшей формы отражения, характеризующейся известной степенью субъективизма [30, с. 108 ; 36, с. 523–525 ; 37, с. 11–12].

Отдельные ученые продвинулись в исследовании данных вопросов гораздо дальше своих коллег. В частности, В.Я. Дорохов писал, что в мышлении человека существуют, взаимодействуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы, понятия, сведения о них [62, с. 207]. Похожие позиции прослеживаются и в некоторых других научных исследованиях того времени. Иными словами, советские ученые фактически приблизились к концепции познания (доказывания) обстоятельств уголовного дела на основе неких субъективных образов, запечатленных в сознании дознавателя, следователя, судьи. Однако эти научные идеи так и не

получили своего дальнейшего развития, очевидно из-за потенциальной опасности возникновения определенных противоречий с марксизмом-ленинизмом. Как полагает Л.А. Воскобитова, проблема отражения сознанием человека объективного мира никогда не была предметом специальных философско-правовых исследований; юристы используют как догму утверждения о познаваемости мира именно благодаря отражению как всеобщему свойству материи [15, с. 28]. Хотя для справедливости следует обратить внимание, что советский диалектический материализм вовсе не отрицал наличия субъективных познавательных образов, а, напротив, утверждал об их существовании [19, с. 87 ; 48, с. 34]. Упоминание образов встречается и в работах В.И. Ленина [41, с. 114]. Но вместе с тем советские философы относились к данной проблеме с большой осторожностью, не выходили за рамки «дозволенного». В противном случае существовала реальная опасность перехода на позиции идеализма, который подвергался резкой критике. Например, Н.К. Вахтомин специально отмечал, что идеалисты извращенно толкуют активную роль субъекта в познании, превратив его в творца действительности, в некоего demiурга [11, с. 12].

В настоящее время более не существует никаких идеологических преград для рассмотрения уголовно-процессуального познания (доказывания) вне зависимости от постулатов марксизма-ленинизма. Поэтому в современных условиях наибольшие научные усилия, связанные с развитием информационной теории доказательств, необходимо направить именно на исследование вопросов познания дознавателем, следователем или судом обстоятельств уголовного дела на основании мысленных образов, то есть попытаться сделать то, что не было сделано советскими учеными-процессуалистами.

Итак, одним из базовых положений современной теории доказательств является тезис о том, что субъект познания

получает отраженную информацию от объекта посредством сигналов, передающихся в определенной форме [62, с. 215]. В кибернетике под сигналом обычно понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте, то есть как бы выступающий в роли модели этих события, явления или объекта [33, с. 67–69 ; 54, с. 25–27]. Таким образом, содержанием сигнала является сама информация, а его формой – способ передачи (например, изменение предмета, акустические колебания и т.д.). Дознаватель, следователь, судья, осуществляя познавательную деятельность посредством проведения тех или иных процессуальных действий, различным образом взаимодействуют с объектами познания, получая от них соответствующие информационные сигналы. В этой связи представляется достаточно справедливым выдвигаемый информационной теорией тезис, что механизмы психического отражения (восприятия, ощущения, представления) поступающих информационных сигналов и формирования на их основе определенных знаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, носят субъективный характер [5, с. 13 ; 52, с. 297 ; 62, с. 216]. Но вместе с тем мы не можем согласиться с другим утверждением, что само психическое отражение имеет материальную сущность, поскольку связано с объективно существующей нервной системой и организмом человека. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Большинство философских систем, сложившихся в Новое время, выделяют два основных этапа познания: чувственный и рациональный [68, с. 558]. Чувственное познание человеком окружающего мира имеет первичный характер. Оно связано с деятельностью органов чувств, сенсорной системы⁷ и мозга. В процес-

⁷ Под сенсорной системой в психофизиологии понимается часть нервной системы, которая воспринимает внешнюю информацию, передает ее в мозг и анализирует ее [50, с. 55].

се чувственного познания возникают ощущение, восприятие, представление. Ощущение является простейшим и исходным элементом как чувственного познания, так и всего человеческого сознания [68, с. 560]. Восприятие представляет собой более сложный психический процесс, связанный с преобразованием ощущений в мысленные образы. Этот элемент высшей психической функции человека занимает, пожалуй, центральное место в механизме чувственного познания. Именно через восприятие поступающие посредством сенсорной системы материальные по своей природе нервные импульсы (коды) трансформируются в идеальные конструкции – перцепты⁸.

Психологи XIX века, труды которых, очевидно, и повлияли на мировоззренческие взгляды В.И. Ленина, действительно представляли восприятие как пассивный отпечаток внешнего воздействия в коре головного мозга. Видимо, именно эти научные воззрения и послужили основой для возникновения теории отражения человеком окружающего мира в ее марксистско-ленинском варианте. Советские мировоззренческие позиции наделяли отражение изоморфным характером, предполагающим известное тождество отражаемого и отраженного [21, с. 26 ; 66, с. 79–85]. Так, авторы фундаментальной коллективной советской монографии по диалектическому материализму писали, что человек получает многообразные ощущения от предметов внешнего мира. Эти ощущения являются чувственным отражением (копией, снимком, образом) тех объективно реальных свойств предметов внешнего мира, которые воздействуют на органы чувств человека и являются поэтому доступными для непосредственно-чувственного познания [21, с. 389]. Н.И. Дейнеко говорил об адекватном отражении

внешне-материального во внутренне-идеальном как о процессе сугубо объективном [19, с. 12]. В свою очередь, один из наиболее авторитетных советских философов, директор института философии АН СССР П.В. Копнин, кстати, активно цитируемый учеными-процессуалистами, отмечал, что познавательный образ – это не знак, не символ, не иероглиф, носящий условный характер, а отображение, копия, снимок с объекта [31, с. 106].

Позднее данные научные идеи выступили в качестве методологической базы для отечественных исследований в области доказательственного права. Поэтому мы согласны с Л.А. Воскобитовой, указывающей, что советская теория доказательств фактически рассматривала субъекта познания как лицо, осуществляющее бесстрастное и механическое отражение (фотографирование, копирование в своем сознании) объекта познания [14, с. 61 ; 15, с. 26].

Однако сегодняшняя наука подходит к данной проблеме с совершенно иных позиций. По этому поводу выдающийся отечественный психолог А.Р. Лурия писал, что современные ученые рассматривают восприятие как активный процесс поиска требуемой информации, выделения существенных признаков, сличения их между собой, создания адекватных гипотез и последующего сличения этих гипотез с исходными данными [45, с. 232]. В основе восприятия, безусловно, лежит декодирование поступающих в кору головного мозга нервных импульсов. Если в процессе сенсорного кодирования формируется модель стимула – писал В.П. Зинченко, – то в процессе восприятия создается и используется модель предмета [16, с. 40]. Вместе с тем вплоть до настоящего времени специалистам не удалось детально изучить психофизиологическую природу декодирования; эти механизмы во многом остаются непонятными. Как происходит переход нервных импульсов в перцепты и какие причины обуславливают превращение

⁸ Перцепт – то, что воспринято. Перцепт не следует путать с каким-либо физическим объектом или энергией, которая воздействует на рецептор. В конечном счете перцепт – феноменологическое или чувственное понятие; это результат процесса восприятия [76].

допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия? На этот вопрос можно ответить пока что лишь гипотетически [16, с. 40], высказав соответствующие предположения [46, с. 431, 434]. Таким образом, на сегодняшний день в психологической науке не существует каких-либо убедительных позиций, выражающих материальную связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе восприятия результатами (перцептами). Г.А. Зорин в своих работах выделяет целый спектр возможных ошибок следователя при приеме и декодировании информации [27, с. 33]. В данном случае скорее можно говорить не столько о материальности, сколько об относительной адекватности восприятия.

Мы не можем согласиться с выдвигаемым советской философской наукой тезисом о восполнении пробелов человеческого восприятия объективной реальности, связанных с ограниченными возможностями органов чувств, за счет способностей обнаружения и определения причин подобных искажений [59, с. 5]. Ведь еще в начале XX в. немецкий философ Э. Кассирер, солидаризируясь с точкой зрения своего соотечественника физиолога Г. Гельмгольца, писал, что представления не являются отображениями предметов. Требуя от образа некоторого подобия с отображаемым объектом, человек тем не менее никогда не может быть уверен в этом подобии [29, с. 394]. Кстати, позднее эта точка зрения активно критиковалась советскими философами как, с одной стороны, заимствованная из идеалистических воззрений И. Канта, а с другой – обусловленная естествознанием, которое не может решить вопроса о природе познания в его отношении к объекту, а дает лишь некоторые фактические данные для его решения [31, с. 103–104]. Развивая указанные идеи, известный британский философ XX в. К.Р. Поппер весьма критически оценивал используемый в мар-

ксистско-ленинской диалектике подход, называя его «бадейной» теорией или теорией «*Tabula rasa*» (от латинского «чистая доска»). Суть этого подхода – писал ученый – заключается в том, что человеческое сознание представляет собой пустую бадью (чистую доску), где накапливается материал, поступающий туда через органы чувств. Причем, по мнению автора, одной из основных ошибок «бадейной» теории является тезис о том, что существует непосредственное, или прямое, знание, то есть чистые, неискаженные элементы информации, которые вошли в нас и остаются пока неперевавленными. Ученый также указывал: «Почти все люди хорошие наблюдатели и восприниматели, но не следует класть этот факт в основание какого бы то ни было догматизма прямого, непосредственного или интуитивного знания, поскольку мы иногда ошибаемся; мы никогда не должны забывать о нашей погрешимости». Он подчеркивал, что люди редко ошибаются в своих восприятиях благодаря изощренному аппарату декодирования с его многочисленными встроенными контрольными устройствами. Но это вовсе не означает, что результаты человеческого восприятия следует приравнивать к каким-то стандартам надежности или истинности. Механизмы восприятия человеком окружающего мира, по мнению К.Р. Поппера, следует сравнивать с работой опытного фотографа, который редко ошибается в выборе выдержки благодаря его тренировке и навыку. При этом его снимки вовсе не надо рассматривать как стандарты правильной выдержки [55, с. 67, 69–70].

Кстати, аналогичные взгляды можно встретить и у некоторых отечественных специалистов. Так, советский философ Э.М. Чудинов, известный своими достаточно вольными взглядами в вопросах диалектического материализма, подвергал критике «наивные» формы классической концепции истины (напомним, что эта концепция явилась базой для диалектического материализма и легла в основу

советской теории доказывания) именно из-за представлений о простом копировании сознанием реальности. Он писал, что соответствие знаний действительности не является простым и однозначным, а сопряжено с целым рядом конвенций и соглашений [71, с. 18]. Более того, отдельные зачатки этих идей находят отражение и в традиционных марксистско-ленинских философских работах периода «развитого социализма». В частности, один из ведущих отечественных специалистов в области диалектического познания А.П. Шептулин говорил, что сознание не просто отражает действительность, а отражает ее субъективно, не пассивно, а активно, с определенными изменениями, преобразованиями, не механически, а творчески [74, с. 101]. Аналогичные взгляды как бы вскользь просматриваются и в трудах П.В. Копнина [31, с. 106–107].

В современной философии и психологии такая особенность восприятия человеческим сознанием отраженных обстоятельств объективной действительности называется принципом активности. Каждый человек воспринимает одни и те же события или явления по-разному, посредством сугубо индивидуальной работы своих органов чувств, течения психофизиологических процессов и при активной роли сознания, то есть субъективно. Полагаем, что одно только это обстоятельство уже вызывает серьезные сомнения по поводу материального (зеркального) характера восприятия и, следовательно, всего отражения субъектами уголовно-процессуального познания объективной реальности.

Несмотря на всю значимость восприятия, данный процесс позволяет сформировать в сознании человека лишь результаты восприятия (перцепты), выполняющие хотя и важную, но лишь промежуточную роль в познании окружающего мира. Перцепт еще не является полноценным мысленным образом какого-либо события или явления. Как отмечал американский психолог У. Найссер,

образы не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов; образы – это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения [47, с. 47]. В свою очередь, известный французский философ XX века П. Рикер писал, что сознание – это то, что получает свой смысл только в последующих образах, то есть некий новый образ, который может обнаружить смысл предшествующих образов задним числом [58, с. 177]. Поэтому современные ученые выделяют более сложную (высшую) форму познания – представление (гнозис), то есть способность узнавать предметы по чувственным восприятиям. Гнозис позволяет сопоставить воспринятые перцепты с какими-то отдельными фрагментами, запечатленными в памяти субъекта, и тем самым сформировать полноценный мысленный образ определенного объекта познания. Принимая во внимание производность гнозиса от функции восприятия, полагаем, что он также никоим образом не может расцениваться как имеющий материальную основу. И, следовательно, его результаты – мысленные образы – нельзя рассматривать как зеркальные отражения реальных объектов познания. Здесь скорее также уместно говорить об их относительной адекватности по отношению к объективной действительности. П.Ю. Тимошенко, М.В. Салтевский и Ю.В. Жариков указывают, что идеальное отображение возникает только в процессе практической деятельности человека, опосредствуется ею и носит активный, творческий характер [63, с. 7].

В этой связи перед всей теорией уголовно-процессуального доказывания встает весьма концептуальный методологический вопрос: как увязать не имеющее материальной основы и лишь в некоторой степени адекватные объективной реальности субъективные мысленные образы с правоприменительным решением, которое является публично-правовым актом и, следовательно, должно носить абсолютно

определенный характер. Очевидно, что для решения этой задачи инквизиционные формы уголовного судопроизводства, предполагающие одностороннее исследование представленной информации, являются несостоятельными. Судья, следователь, дознаватель в силу описанной выше субъективности своего мышления, одностороннего восприятия обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, не способны воссоздать в своем сознании такие мысленные образы, которые бы полноценно соответствовали событию преступления, действиям (бездействию) лиц, причастных к его совершению и т.д. Марксистско-ленинская диалектика, сформировавшая некие упрощенные представления о восприятии, как о копии, снимке, могла предоставить в данном случае гарантии объективности. Однако закономерный и обусловленный дальнейшим развитием философии, психологии, психофизиологии и т.д. отход от ее постулатов полностью отнимает у теории уголовно-процессуального доказывания и принятия решений методологическую основу. Доказательства как бы лишаются одного из своих важнейших свойств – достоверности.

Выход из сложившейся ситуации нам видится только в состязательности уголовного судопроизводства, характе-

ризующейся многосторонностью познавательных субъектов и принятия решений на основе консолидации мысленных образов, созданных в сознании всех участников судебного заседания. Состязательность – это единственный механизм, который способен ограничить субъективизм при принятии процессуального решения и уменьшить риск осуждения невиновных [38]. Обосновывая правоприменительный акт суд должен учитывать и свои собственные мысленные образы, сформированные в процессе исследования представленных доказательств, и мысленные образы, вытекающие из позиций сторон, обусловленных собственными познавательными результатами (перецептами) и собственными представлениями (гнозисами). Безусловно, что подобные механизмы не будут характеризоваться абсолютной объективностью; с учетом современных методологических подходов к теории доказывания такой объективности может вообще и не быть. Однако многосторонний характер состязательного уголовного судопроизводства несомненно в гораздо большей степени приближает доказывание к обстоятельствам объективной реальности, имеющим значение для уголовного дела, чем это происходит в существовавших ранее инквизиционных или полуинквизиционных формах.

Пристатейный библиографический список

1. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юридическая литература, 1964.
2. Арсеньев В.Д. О соотношении гносеологических и юридических аспектов в судебном доказывании по уголовным делам // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе: тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981 г. М.: ВНИИ МВД СССР, 1981.
3. Астафьев Ю.В., Изотова Н.В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. Курск: ФГУИПП, 2002.
4. Афанасьева О.В. Логика: учеб. пособие. М.: Проспект, 2008.
5. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2004.
6. Божьев В.П. Основные вопросы советского уголовного процесса: учеб. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1978.
7. Божьев В.П., Гаврилов А.К., Чугунов В.Е. Советский уголовный процесс. Общая часть: пособие для слушателей заочных отделений высших учебных заведений МВД СССР. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973.

8. Боруленков Ю.П. Юридическое познание. М.: Юрлитинформ, 2014.
9. Ванеева Л.А. Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток: Дальневосточный государственный ун-т, 1972.
10. Васильев Ф.П. Доказывание по делу об административном правонарушении. М.: Юнити-Дана, 2005.
11. Вахтомин Н.К. О роли категорий сущность и явление в познании. М.: АН СССР, 1963.
12. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Изд. группа «Юрист», 2006.
13. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. М.: МГЮА, 2004.
14. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5).
15. Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // Философские науки. 2013. № 12.
16. Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. М.: Просвещение, 1967.
17. Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Вкут. М.: Юрист, 2004.
18. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 1997.
19. Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев–Одесса: Вища Школа, 1978.
20. Джатиев В.С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления / отв. ред. Н.С. Алексеев. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный ун-т, 1991.
21. Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. М.: Московский ун-т, 1985.
22. Диалектический материализм / под общ. ред. Г.Ф. Александрова. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954.
23. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. М.: Юрист, 2000.
24. Домбровский Р.Г. Познание и доказывание в расследовании преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Киев: Киевский государственный ун-т имени Т.Г. Шевченко, 1990.
25. Зажицкий В.И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015.
26. Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Алма-Ата: Казахский государственный ун-т имени С.М. Кирова, 1973.
27. Зорин Г.А. Тактический потенциал следственного действия. Минск: Белорусский государственный ун-т имени В.И. Ленина, 1989.
28. Карякин Е.А. Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М.: Юрлитинформ, 2009.
29. Кассирер Э. Познание и действительность. СПб.: Шиповник, 1912.
30. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский государственный ун-т, 1995.
31. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М: Мысль, 1974.
32. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный ун-т, 2006.
33. Куликовский Л.Ф., Молотов В.В. Теоретические основы информационных процессов. М.: Высшая школа, 1987.
34. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М.А. Фокиной. М.: Статут, 2014.
35. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юридическая литература, 1989.
36. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М.: Юридическая литература, 1989.
37. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский государственный ун-т имени В.И. Ленина, 1969.

38. Лазарева В.А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М.: Высшее образование, 2009.
39. Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3.
40. Леви А.А. Избранные научные труды. М.: РУДН, 2012.
41. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Политиздат, 1968.
42. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М.: Юридическая литература, 1973.
43. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1966.
44. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М.: Норма, 2010.
45. Лурья А.Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособ. для студентов вузов. 6-е изд. М.: Изд. центр «Академия», 2008.
46. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001.
47. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. В.В. Лучкова. М.: Прогресс, 1981.
48. Нарский И.С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. М.: Знание, 1966.
49. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009.
50. Основы психофизиологии: учебник / отв. ред. Ю.И. Александров. М.: Инфра-М, 1998.
51. Петуховский А.А. Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). М.: Академия управления МВД России, 2009.
52. Писарев Е.В. Информационное содержание процесса доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. В.А. Лазаревой. Вып. 5. Самара: Самарский государственный ун-т, 2010.
53. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... докт. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2005.
54. Полетаев И.А. Сигнал. М.: Советское радио, 1958.
55. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
56. Пржиленский В.И. Юриспруденция, философия и поиски объективной истины: проблемы институционализации одного философского понятия // Lex Russica. Научные труды МГЮА имени О.Е. Кутафина. 2013. № 4.
57. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961.
58. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008.
59. Сتمпковская В.И. О роли абстракций в познании. М.: АН СССР, 1959.
60. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.
61. Татаров Л.А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический ин-т МВД России, 2007.
62. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юридическая литература, 1973.
63. Тимошенко П.Ю., Салтевский М.В., Жариков Ю.В. Теория и практика следов памяти (идеальных отображений) в расследовании преступлений / отв. ред. Р.С. Белкин. Киев: Украинская академия внутренних дел, 1991.
64. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1997.
65. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960.
66. Тухтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М.: Наука, 1972.
67. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский государственный ун-т, 1976.
68. Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. М.: Норма, 2005.
69. Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания: учеб. пособие. Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 1996.

70. Чистякова О.П. Проблема активности суда в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА, 1997.
71. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
72. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.
73. Шейфер С.А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015.
74. Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М.: Политиздат, 1983.
75. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск: Томский государственный ун-т, 2015.
76. Электронная психологическая энциклопедия. // URL: http://mirslivarej.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy

**Издательство «Юрлитинформ»
предлагает вниманию читателей новые книги**

- **Трефилов А.А.**
Организация досудебного производства по УПК Швейцарии
- **Эсендеров М.В.**
Права лица при приобретении им процессуального статуса обвиняемого: законодательное закрепление и проблемы обеспечения
- **Коллектив авторов / под ред. А.С. Александрова**
Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней
- **Поздняков М.Л.**
Система оснований отмены и изменения судебных актов в российском уголовном процессе
- **Коллектив авторов / под науч. ред. И.В. Смольковой**
Принципы современного российского уголовного судопроизводства
- **Клещина Е.Н., Архипов А.С.**
Принцип разумного срока уголовного судопроизводства и его реализация в стадии предварительного расследования
- **Махов В.Н., Василенко А.С.**
Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права
- **Пастухов П.С.**
Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества

Заявки на приобретение изданной литературы направляйте по адресу:

**119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6
ООО Издательство «Юрлитинформ»
тел. (495) 697-77-45, тел./факс (495) 697-16-13
E-mail: zakaz@urlit.ru**